

ДЕКАБРЬСКИЙ ПАРК

РОНАЛЬД МАЛФИ

Полтергейст Пресс

*Для деда, возглавившего атаку,
и Мэдисон — моей дочери, ученицы и учительницы*

БЛАГОДАРНОСТИ

Любой стоящий писатель хранит в своей душе по крайней мере одну книгу о детстве. Эта — моя. Спасибо Д.Г., Д.С., С.С., Дж.Т. и К.С. за прекрасные дни и море волшебных воспоминаний.

Спасибо моему любезному и преданному редактору, Лори, и работникам Medallion Press. Спасибо семье и друзьям за то, что терпели меня, пока я писал эту книгу. Знаю, что со мной непросто. Спасибо жене и дочери, подарившим мне новые воспоминания вдобавок к восхитительным старым.

Мой дед умер, пока я писал «Декабрьский парк». Я очень его любил, и потому части, касавшиеся дедушки главного героя, давались мне нелегко. И все же я чувствовал его руку у себя на плече — он вел меня к финалу, как направлял и в реальной жизни, и его дух помог мне закончить эту историю.

—Р.М.

9/6/2013

Арнольд, Мэриленд

Оглавление

Книга 1. Добро пожаловать в Хартинг-Фармс (октябрь 1993—январь 1994)...	11
Глава 1. В том году зима пришла рано.....	13
Глава 2. Отмели.....	25
Глава 3. Ночь Проказ.....	51
Глава 4. Новенький.....	83
Глава 5. Во тьме, среди теней.....	99
Глава 6. Происшествие на Бессел-авеню.....	107
Глава 7. Кодовый замок.....	121
Книга 2. Мертвый лес (февраль—май 1994).....	137
Глава 8. Секрет.....	141
Глава 9. Медальон в форме сердца.....	161
Глава 10. Повстанцы с базы Эхо.....	177
Глава 11. Кошмар.....	201
Глава 12. Призраки пропавших детей.....	203
Глава 13. Открытия.....	221
Глава 14. После бури.....	231
Глава 15. Соседский дозор.....	239
Глава 16. Дом Оборотня.....	247
Глава 17. Что видел Эдриен.....	263
Книга 3. Песня Дудочника (июнь 1994).....	271
Глава 18. Страх наступает.....	277
Глава 19. Поиски.....	295
Глава 20. Где был Эдриен.....	313
Глава 21. Выманиваем убийцу.....	319
Глава 22. Дочка Брубейкеров.....	335
Глава 23. Заброшенное железнодорожное депо (часть 1).....	341
Глава 24. Заброшенное железнодорожное депо (часть 2).....	351

Книга 4. Логово Дудочника (июль и август, 1994)	365
Глава 25. Праздник.....	367
Глава 26. Стычка.....	385
Глава 27. Что нашел Майкл.....	395
Глава 28. Преследование.....	405
Глава 29. Лечебница Патапско (часть 1).....	419
Глава 30. Лечебница Патапско (часть 2).....	429
Глава 31. Расхождение.....	447
Глава 32. Эдриен Гардинер.....	451
Глава 33. Дудочник.....	465
Глава 34. Снаружи.....	479
Глава 35. После.....	485
Глава 36. Мир под покровом мира.....	495
Эпилог. Последний из пропавших детей (сентябрь 1994)	505

Книга 1

Добро пожаловать в Хартинг-Фармс

(октябрь 1993 — январь 1994)

Осенью 1993 года на Хартинг-Фармс пала тень. Газеты прозвали его Дудочником, как менестреля из сказки братьев Grimm — того, что увел за собой детей. Были и другие, более мрачные имена — ребята шептали их в коридорах Стэнтонской школы и вырезали на деревянных стульях библиотеки, как грязные, жуткие тайны. Столовая гудела от разговоров о сбежавших пациентах психушки «Шепард Претт» и спятивших моряках, жадных до детской крови — они сходили с кораблей в Балтиморе и отыскивали дорогу в наш сонный городок на берегу залива. В классе Майкл Шугарленд рисовал оборотней с окровавленными клыками и когтями, как штыки, пока выглядевший смертельно усталым мистер Джонсон, качая головой, не сказал ему, что это — неуважение к пропавшим. Никто не говорил, что дети погибли, потому что никого из них не нашли — тогда, по крайней мере. Ребята считались исчезнувшими. Поначалу думали, что они сбежали из дома.

Но вскоре все изменилось, и мы с друзьями были тому свидетелями.

В том году зима пришла рано

МЫ СТОЯЛИ на перекрестке Пойнт и Каунтерпойнт — сигареты свисают с губ, словно нас что-то тревожит, но мы слишком круты, чтобы это признать, — и ежились на ветру. Выше по Каунтерпойнт-лейн мигалки полицейских машин окрашивали деревья красным и синим.

Октябрь только начался, но ранний мороз обрушился на город — пришел от Чесапика и сковал воды вокруг рыболовецких лодок в доках. На цветочных прилавках вдоль шоссе вместо комнатных растений и папоротников теперь продавали кукурузные початки и блестящие оранжевые тыквы. Хотя для снега было еще рановато, небо затянули белесые тучи.

Питер предложил смыться с уроков после ланча, и мы отправились напрямик на Соломоново поле, курить и пускать камешки по Пьяному пруду. Местные ребята прозвали его так из-за бродяг, надиравшихся виски в подземном переходе на Соломон-бенд-роуд. На самом деле он звался пруд Дивера — в честь констебля из семидесятых, так рассказывал мне отец, а уж он в истории разбирался.

Мы — Питер, Скотт и я — смотрели на паровозик полицейских машин, взбиравшийся по Каунтерпойнт-лейн. По ту сторону ограждения насыпь обрывалась, стена деревьев отделяла улицу от огромного леса. Его прозвали лесом Сатаны и поговаривали, что он проклят. Большинство ветвей были голыми, оставшиеся листья пылали оранжевым, словно на вершинах деревьев бушевал пожар.

На обочине рычала скорая — мотор работал, но фары не горели. Пара козел для пилки дров, обрاملенная оранжевыми маячками, перекрывала Каунтерпойнт-лейн. За ними стоял полицейский и, смертельно скучая, смотрел на разворачивавшиеся машины.

— Не стоит нам светиться, — сказал я. — Кажется, тут что-то серьезное.

Это означало, что рядом мог быть мой отец, а мне не хотелось, чтобы он поймал меня на обочине с сигаретой.

— Думаешь, еще одна машина сорвалась? — спросил Питер, глядя на искореженное ограждение и глубокие следы шин в грязи, уходившие вниз.

Двумя днями ранее студентка колледжа Одри Макмиллан под хмельком возвращалась домой из «Убийственной кухни» на Центр-стрит. Съехала с дороги, протаранила ограждение и рухнула в лесок. К счастью, отделалась сломанной ногой. Эвакуатор не мог поднять разбитый автомобиль, пока из округа не прислали рабочих, чтобы спилить самые крупные деревья. Вот уж действительно провал.

— Не знаю, — ответил я. — Но дорогу закрыли не просто так.

— Спорим, это не машина, — сказал Питер. — Две за одну неделю? Да ладно.

— Новых следов заноса не видно, — заметил я.

— А ты у себя в штанах посмотри, — ухмыльнувшись, сказал Питер. Он был на несколько месяцев старше нас, но из-за лишнего веса казался моложе — таким юным ангелочком. Его бледно-зеленые глаза смотрели пристально, и это впечатление лишь усиливала копна непокорных рыжих волос, слишком длинных сзади. Он был моим лучшим другом с тех пор, как родители на беду оставили нас в одной песочнице в Палисадах много лет назад.

Еще два черных козырька — полицейские в форме — показались за ограждением. Четвертый вышел из крузера и прислонился к капоту, словно мерз даже в отороченной мехом куртке.

Скотт кивком указал на полицейские машины:

— Идем. Нужно проверить.

— Нас могут арестовать за прогул, — сказал я. — Отец и так бесится из-за случая с Рылошем.

ДЕКАБРЬСКИЙ ПАРК

Мистер Раулшей, прозванный Рылошем из-за профиля, напоминавшего насадку для шланга и шеи, как у Икабода Крейна¹, был моим учителем английского в Стэнтонской школе. В прошлом месяце я не сдал работу, и Рылошей, всегда готовый испортить жизнь какому-нибудь мелкому бедолаге, сразу же позвонил моему отцу. Я просидел под замком целую неделю.

Питер взглянул на циферблат своих «Касио»:

— Уроки кончились двадцать минут назад.

Все вместе мы миновали перекресток и двинулись по неторопливо поднимающейся Каунтерпойнт-лейн — к полицейским тачкам и скорой.

У козел с мигалками к нам подошел скупающий коп.

— Простите, парни. Проход закрыт.

— Что случилось? — спросил Питер, пытаюсь заглянуть ему за спину.

— Очистите улицу, ребята. Можете посмотреть с обочины.

— Кто-то снова съехал в кювет? — спросил я.

— Нет. — Полицейский, совсем молодой, казалось, мог еще недавно зависать с нами. Я посмотрел на его бейдж, но имя было незнакомым. — Давайте, парни. Пошевеливайтесь.

— Это свободная страна, — беззлобно заметил Питер. Он все еще пытался заглянуть копу через плечо.

Тот изогнул бровь:

— Да? Будьте свободны как ветер на другой стороне улицы.

— А можно одним глазком посмотреть? — настаивал Питер.

Молодой коп уставился на меня:

— Уведи своих друзей на обочину, Анджело.

Меня не удивило, что он знал мое имя. Отец служил детективом в полиции Хартинг-Фармс. Копы часто узнавали меня, даже если я их и не встречал.

— Идем, — сказал я, шагнув на тротуар.

— Спасибо. — Полицейский кивнул мне и смерил взглядом моих друзей: — Вам, парни, рановато курить.

Посмотрел на запястье, возможно решив, что мы оказались слишком далеко от школы в этот час, и важно перешел улицу.

¹ Вымышленный персонаж и главный герой рассказа Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине», худой и долговязый учитель. — Здесь и далее прим. пер.

Суматоха усилилась — в основном за мятым ограждением и на насыпи. Двое мужчин в белых халатах слонялись без дела — курили, глядя под ноги. Один из них обменялся парой фраз с полицейским в форме. Вялые движения и небрежные жесты убеждали, что ничего страшного внизу не случилось.

— Знаешь этого парня? — прошептал Скотт, хотя коп был слишком далеко, чтобы услышать.

Я покачал головой.

— Ну и холодина. — Питер застегнул пальто и подул на руки. — Что они вообще делают? Что происходит?

Я пожал плечами. До меня долетели слабые звуки «Металлики» из наушников Скотта, болтавшихся у него на шее.

Верный своей фамилии, Скотт Шпиль обладал телом прирожденного атлета, высоким и гибким. Черты его лица отличались красотой и изяществом, глаза были задумчивы и тревожны. Скотту исполнилось пятнадцать только месяц назад, и он был самым младшим из нас. Он хорошо учился, перепрыгнул второй класс, и мы оказались в одной лодке. Судьба усадила его за пустую парту рядом со мной на третьем году обучения в кабинете миссис Брок и сразу же сковала нас узами дружбы.

— Идете вечером в доки? — спросил Питер. Он рассказывал туда-сюда, сунув руки в карманы, и иногда застывал на одной ноге, чуть приподняв вторую.

— Наверное, — сказал Скотт.

— Энджи?

— Не знаю, чувак, — пожал я плечами. — Когда выдвигаетесь?

— Около девяти.

— Думаю, все зависит от того, будет ли отец дома. У нас новый комендантский час.

— Но сегодня ведь пятница, — сказал Питер.

— А ты знаешь моего отца.

Обычно меня отпускали до одиннадцати по выходным, но с тех пор, как начались исчезновения, отец сократил время прогулок на час. Если все собиравались в девять, времени потусить почти не оставалось. Я думал, стоит ли идти.

Питер нахмурился.

ДЕКАБРЬСКИЙ ПАРК

— Чувак, ты должен там быть. Шугарленд собирается утопить эту дурацкую корову, помнишь?

— Еще бы.

— Смотрите, — сказал Скотт, сделав шаг с обочины. — Они поднимаются.

Новые головы показались над насыпью, покачиваясь, как буйки в сером море. Меня охватили смятение и восторг. Торопились только возглавлявшие процессию офицеры — оторвались от остальных и разошлись по Каунтерпойнт-лейн, вероятно, чтобы убедиться, что ни одна машина не попыталась проехать по улице. Двое одновременно повернули головы и посмотрели прямо на меня и моих друзей. Если они собирались нас отогнать, случиться этому было не суждено. Улицу заполнили полицейские — так много, что я не мог сосчитать их, не влившись в толпу.

Несколько человек носили монохромные костюмы и узкие черные галстуки. Детективы. Снова с внутренней дрожью я задумался, не было ли среди них моего отца.

— Что за?.. — Питер сделал к ним еще шаг, но мы стояли слишком далеко, чтобы разглядеть что-то важное. — Что они несут? Ты это видишь, Энджи?

— Ага, — сказал я. — Вижу.

Что-то длинное, белое. Простыня. Что-то, накрытое простыней. Живот свело. Я смотрел достаточно новостей, чтобы понять.

— О боже, — сказал Питер дрожащим голосом. — Это человек.

Тело несли на стальной каталке, сложив ее ножки, накинув сверху простыню. Один из полицейских в форме положил руку на ткань, чтобы ее не сорвало ветром, хотя ремни были застегнуты.

Труп.

Они прошествовали к задним дверям скорой, на время исчезнув из виду. Появились снова, перегруппировавшись.

Не в силах отвернуться, я заметил, что офицера, придерживавшего простыню, с ними нет. Мой взгляд словно навлек на нас гнев судьбы. По откосу пронесся ледяной ветер, тряся ветви, как гирлянды, взметая вихри песка и опавших листьев.

Простыня вздулась с одной стороны, как парус огромного корабля. Незакрепленная ее часть взлетела в воздух, обнажив изможденный се-

рый девичий профиль в копне мокрых черных волос, полных сора, руку в синяках, острые ребра, округлость белой маленькой груди.

Это был первый труп в моей жизни, и он казался каким-то ненастоящим. Остудяющее количество крови и кишок, лившееся на нас в «Джунипер» каждый уикенд, когда мы смотрели фильмы ужасов, выглядело гораздо правдоподобней.

Голова трупа была слегка повернута влево, и я заметил на правом виске кровавую вмятину. Часть черепа сложилась внутрь, правый глаз блеснул прямо под жутким углублением.

— Срань господня, — пробормотал Скотт. Наверное, тоже увидел.

Медики принялись неловко укрывать тело. Они слишком спешили и возились с простыней. Пару секунд каждый тянул в свою сторону, а потом голову мертвой все же накрыли. Один из офицеров на всякий случай даже подоткнул простыню.

Слева от меня Скотт уставился на другую сторону дороги, из его наушников лился жутковатый саундтрек. Питер стоял чуть впереди, полы пальто хлопали на ветру, руки слишком глубоко ушли в карманы джинсов. Он тоже это видел.

Никто не сказал ни слова. Мы смотрели, как они погрузили каталку в скорую. Люди двигались еле-еле. Это казалось неуважением. Как тело в лесу могло вызвать подобную летаргию? Все было неправильным — насквозь.

— Дудочник, — прошептал Скотт.

— Нет. — Я все еще не мог этого осознать. Не мог выбросить из головы образ мертвой девушки. Боялся, что не усну этой ночью. — Они не нашли ни одну из его жертв. Возможно, никакого Дудочника нет.

— Есть, — не сомневаясь, сказал Скотт.

— Думаешь, мы ее знаем? — спросил Питер. — Вы слышали о новых пропавших?

Я покачал головой. Но он, естественно, этого не видел — смотрел на тронувшуюся с места скорую.

Облако дыма вырвалось из выхлопной трубы. Я понял, что жду сирен, но их не включили. Конечно. Зачем? Куда теперь спешить? Все же по какой-то причине мне хотелось, чтобы они поторопились. Полицейские и врачи ползали как сонные мухи, и я видел в этом неуважение к мертвой, кем бы она ни была.

ДЕКАБРЬСКИЙ ПАРК

— Вы хорошенько все рассмотрели? — продолжил Питер. — Знаешь ее, Энджи?

— Не думаю. Трудно сказать. Ее лицо... — Мне не нужно было заканчивать фразу. Оно было разбито, и Питер и Скотт это тоже увидели.

— Вдруг она из школы, — сказал Питер, наконец повернувшись к нам. Его щеки порозовели от холода, глаза сверкали: — Думаешь, она из Стэнтона?

— Я не слышал, что еще кто-то пропал, — ответил я.

— Она была молодой, — проговорил Скотт, и его голос задрожал от шока. — Я имею в виду, не взрослой. Вы ее видели, парни?

— Да, — подтвердил я. — Конечно, видел.

— Она могла быть из школы, — сказал Питер. — Я ее не узнал, но она могла...

Теперь на нас смотрело слишком много копов. Суматоха улеглась, и в нас больше не видели зевак. В брезентовых армейских куртках с нашивками «Нирваны» и «Металлики» на рукавах мы казались юными хулиганами.

— Пойдем отсюда, — сказал я.

Мы зашагали по Каунтерпойнт против ветра. Улизнуть вечером в доки с друзьями внезапно показалось мне не такой уж плохой идеей. При одной мысли о ледяном ветре, рассекавшем черные воды Чесапикского залива, в моей груди что-то сжалось.

Вмятина на виске, странный перекосяк правой стороны лица. Неужели я действительно это видел?

Я дрожал.

Молча мы спрятались от ветра под козырьком автобусной остановки в конце квартала. Скотт сменил кассету в плеере, Питер достал новые сигареты. Мы курили и смотрели, как машины едут по Говернор-хайвэй. Двух- и трехэтажные дома на другой стороне улицы казались карандашными набросками в сером вечернем свете. Разноцветные виниловые флажки трепетали над «Тачками с пробегом», полупустой стоянкой с растрескавшимся асфальтом.

Дальше по дороге огни «Бублик-бутика» внезапно погасли — рабочий день кончился. Я трудился там прошлым летом, вылезал из постели в четыре утра, скручивал тесто, бросал в чан с кипящей водой, а потом

засовывал бублики в раскаленную духовку. Надевал резиновые перчатки, но ногти все равно сошли от жара. Жуткая работенка для слабака вроде меня.

— Как думаете, что с ней случилось? — спросил Скотт. — Кто-то ведь это сделал. Кто-то ее убил.

— Может, Лукас Брисби, — предположил Питер.

— Это еще кто? — спросил я.

— Ты разве о нем не слышал? — удивился Питер. Он поднял сигарету, взирая на огонек слезящимися от ветра глазами.

— Я слышал, — сказал Скотт.

Я прислонился к стене остановки и повторил:

— Кто такой Лукас Брисби?

— Старший брат Аманды Брисби, — ответил Питер. — Закончил школу пять лет назад. Ты ведь знаешь Аманду?

— Конечно, — сказал я. Аманда Брисби училась на год младше нас. Играла в хоккей на траве за школу, а потом обрила полголовы, стала красить ногти черным лаком и пошла по наклонной. У нас были общие знакомые, я тоже дружил кое с кем из этой дурной компании, но с ней не общался.

— Слушайте, — сказал Питер, и, глядя на его полуулыбку, я понял, что ему не терпится поделиться новостью. — В прошлом месяце Лукас ходил к нам на уроки истории, чтобы рассказать о Войне в заливе. Появлялся каждую среду в чертовом камуфляже и тер, каково было в Ираке.

— И в классе миссис Берстром он тоже выступал, — добавил Скотт. — Дичь полная. Пришел в пробковом шлеме, вроде тех, что показывали в «МЭШ»². Пот с него лил ручьем.

— Короче, — продолжал Питер. — Он нарисовался в эту среду — по расписанию, — прошел через футбольное поле с парковки, при полном параде, но на этот раз с винтовкой через плечо.

— Не ври, а? — сказал я.

— Я серьезно.

— Богом клянусь, — поддакнул Скотт.

² «M*A*S*H» (в российском прокате «МЭШ» или «Чертова служба в госпитале МЭШ») — американский телесериал.

ДЕКАБРЬСКИЙ ПАРК

— Мистер Грегг тогда вел физкультуру на поле, — продолжил Питер. — Велел, чтобы все вернулись в школу, и подошел к Лукасу — поговорить. Началась ссора, они подрались — даже по земле катались. Потом приехали копы и забрали солдата.

— Кто тебе это рассказал? — спросил я.

— Джен и Мишель Уайатт. У них была физкультура, и они видели, как Лукас идет по полю, а потом Грегг отправил всех в школу. Сказали, что заметили винтовку у него на спине и что он маршировал к ним как нацист.

— Не может быть, — проговорил я, глядя на шоссе. Холодная тьма опустилась на город. Зажглись фонари. Витрины на другой стороне дороги сияли, как крохотные электрические прямоугольники. На следующем перекрестке у подножия светофора мерцали задние фары машин.

— Это еще почему? — спросил Питер.

— Я бы услышал об этом в новостях, — сказал я. — Или хотя бы от отца.

Питер пожал плечами.

— А он тебе все рассказывает? Что, если Брисби ни в чем пока не обвинили?

— Может, винтовка была не заряжена, — предположил Скотт.

— Самое странное, что он вообще не был в Ираке, — заметил Питер. — Этого типа даже в армию не взяли. Он работал автомехаником в Вудлоне с самого выпуска: менял шины, масло и прочее. Этот сукин сын все врал.

— Да ладно, — сказал я.

— Это правда, — кивнув, добавил Скотт. — Я тоже об этом слышал.

— Не, ну ты можешь в это поверить? — отворачиваясь, спросил Питер. Он докурил сигарету до фильтра. — Парень спятил и целый месяц читал лекции для старшеклассников.

Проезжавшая машина посигналила нам. Я не узнал водителя.

— Может, ее вообще не убили. Может, это несчастный случай.

Я произнес эти слова и понял, что им не верю. Мой мозг все еще искал объяснения ее разбитой голове и бледной, как рыбье брюхо, коже.

— Может и так, — согласился Питер, но в его голосе тоже не было уверенности.

Скотт посмотрел на часы:

— Уже поздно.

— Ага, — сказал Питер, бросив окурок на землю.

Я поднял воротник куртки:

— Встретимся позже, парни. Нужно заскочить в магазин для бабушки.

— Хочешь, пойдём с тобой?

— Не, сам справлюсь. Спасибо.

— Эй! — Питер стукнул меня по предплечью. — Ты ведь придёшь вечером, да?

Я вздохнул.

— Может, твой отец разрешит тебе задержаться, — сказал Питер. — Это ведь не на всю ночь.

— Будет весело, — добавил Скотт.

Сунув руки в карманы, я сказал:

— Посмотрим.

— Отлично, — ухмыльнулся Питер. Затем развернулся и спихнул Скотта на тротуар. Они дождались, пока на дороге не стало машин, и метнулись на другую сторону улицы. Скрылись из виду среди теней парковки.

Я прошёл вдоль шоссе до перехода и стал ждать, пока загорится зелёный. «Лавка Пасторе» была семейным магазинчиком в самом конце торгового центра. Стояла напротив «Щедрого гипермаркета», настоящего монстра с девизом «Удобство правит!». Несмотря на это, моя бабушка поддерживала «Лавку» с самого моего детства. У меня остались приятные воспоминания о мистере Пасторе, угощавшем меня колечками свиной колбасы и дольками вонючего сыра, пока она делала покупки.

Обычно лавка стояла пустой, но этим вечером снаружи было шумно. Несколько взрослых задержались у машин на парковке и громко переговаривались. Опустив голову, я проскользнул мимо и вошёл в магазин.

— Привет, Анджело, — мистер Пасторе воззрился на меня поверх бифокальных очков на кончике носа — темнокожий старик с пучками белых волос над ушами. У прилавка стоял незнакомый мужчина. Похоже, мое появление прервало их разговор.

— Привет, мистер Пасторе, — сказал я, расстегивая куртку. В магазинчике было душно — обогреватель над дверью работал на полную.

ДЕКАБРЬСКИЙ ПАРК

Я прошел в заднюю часть зала, взял буханку нарезного итальянского хлеба, посмотрел на полку со сладостями у стены. У Пасторе всегда были отличные конфеты — действительно редкие: леденцы «Астро попс», огромные «Сладкие Папочки»³, лакричные шнурки и черные лакричные пуговицы, мармеладки, драже на полосках белой бумаги, восковые губки, восковые бутылки, наполненные сиропом, леденцы-свистки, арахисовые козинаки, ириски из Оушен-сити, экзотические желейные бобы. Немного подумав, я выбрал огромного «Сладкого Папочку» и упаковку жвачки, чтобы скрыть запах сигарет.

Я зашагал к прилавку, зная, что мистер Пасторе, наверное, уже ждет с остатком бабушкиного заказа.

Он тихо говорил с незнакомцем. В какой-то момент посмотрел на меня поверх его плеча и натянуто улыбнулся.

Мужчина в синем свитере и чинос шагнул в сторону, и я положил хлеб и конфету на прилавок.

Мистер Пасторе подмигнул, порылся под стойкой и вытащил колбасную нарезку, завернутую в вошеную бумагу.

— Читал в «Глашатае», что ты занял первое место в конкурсе писательского мастерства, — сказал он, выкладывая покупки. — Это чудесно, Анджело. Мои поздравления!

— Спасибо.

— Они опубликуют твою историю?

— Хотели, но решили, что она слишком длинная, — ответил я. — Мне прислали чек на пятьдесят баксов.

— Фантастика! — Мистер Пасторе сдвинул очки на переносицу и прочитал высветившуюся на табло сумму.

Протянув ему двадцатку, я стал ждать сдачи.

Сбоку нервно притопывал мужчина в синем свитере. Я обернулся и посмотрел на него. Наши взгляды встретились. Его глаза были маленькими и темными — такими же тревожными, как стук ноги по полу. Через секунду он их отвел.

Почувствовав мое беспокойство, мистер Пасторе устало улыбнулся.

— Этим вечером перекресток Каунтерпойнт закрыли. Может, ты видел полицейские машины.

³ Шоколадная плитка на палочке.

— Ага, — сказал я, в горле внезапно пересохло. Перед глазами снова возник образ девушки с разбитой головой. Я не мог от него избавиться. Внезапно все ощущения пропали, остался лишь вулканический жар обогревателя над дверью лавки.

— Люди волнуются, что с кем-то случилась беда, — продолжил мистер Пасторе. Фальшивая улыбка прилипла к его лицу, но голос был мрачным. — Волнуются, что это снова... ну, ты знаешь...

Я открыл рот, чтобы рассказать о том, как копы вынесли мертвую девушку на каталке из леса, и снова закрыл его. Посмотрел на мужчину в синем свитере. Вдруг это ее отец? Меня словно током от розетки дернуло. Хотел ли я поведать ему об этом?

Мистер Пасторе протянул мне мелочь. Я сунул ее в карман куртки. Взял пакет продуктов с прилавка и, поблагодарив, быстро пошел к двери.

— Анджело? — позвал мистер Пасторе и добавил, когда я повернулся к нему лицом: — Лучше поспеши домой, ладно? Не тяни резину.

На миг утратив дар речи, я кивнул.

— Хороший мальчик, — сказал он.

Я открыл дверь и вышел — в объятия тьмы.